

There are no translations available.

1. Мне было 3 года, у соседей – чеченцев была свадьба на втором этаже нашего дома. Я по ступенькам не могла ходить, меня носила мама на руках. Когда мы пришли домой, я не уследила когда мама ушла. Подойдя к окну, я увидела, что быстро, быстро к окну подходит белый, плотный туман. Мне очень захотелось спать, и было немного страшно. Я прижалась спиной к стене, там висела красивая ковровая дорожка. Тихий женский голос сказал, что бояться не надо и мои глаза закрылись. Когда я открыла глаза, то увидела, что надо мной склонился очень красивый мужчина. На нем были большие квадратные очки, которые прикрывали красивые черные, черные глаза. У него были большие густые черные брови, большой нос. А губы скрывала зеленоватая маска из ткани. Эта ткань была удивительной. Она походила по качеству на пористые и тонкие тесемки. Ткань чуть зеленоватая, а тесемки выпуклые, тонкие и белые. Над этим человеком была белая ослепительная лампа- круг. А по краям лампы-круга располагались небольшие светящиеся круги. Взгляд мужчины смотрел очень ласково, и он улыбался. Он мне что-то сказал, но я не помню этого. Я стала оглядываться вокруг. Стены были бледно- зеленого цвета и светились очень мягким светом. Когда я очнулась дома, мамы еще не было. Папа сказал мне, что надо идти в больницу, у меня было больное сердце – недостаточность митрального клапана. И из-за этого родители носили меня на руках, не позволяя ходить по ступенькам. Я не могла преодолеть даже три ступеньки в подъезде. Пришла мама, а мне не хотелось, чтобы папа завернул меня в одеяло и нес на руках. Чтобы спуститься по лестнице, надо было преодолеть 97 ступеней. Я прыгала по ступенькам и смеялась. А соседи кричали маме: «Лиза, Лиза, дочка убегает!». За мной бежали родители и крестные, догнав меня, взяли на руки, а я от них отбивалась. На второй день я попросила маму, чтобы она дала мне глину. Перед домом была площадка и на ней возвышалась большая глиняная гора. Местами гора обвалилась и была видна глина ярко-желтого цвета. Местами этот цвет был чуть кирпичный и с белыми прожилками. Мне очень захотелось съесть именно такую глину, и я ела ее много. А когда мама приносила мне не ту глину, то я сердилась на нее и просила принести именно ту, которая мне необходима.

2. У нас жила Валя, маминой сестры дочь. Ей было лет 15-16, и она играла со мной. Я посмотрела в окно, было темно, и увидела белый круг, который спустился на площадку перед окнами. Я схватила свою шубку и стала кричать, что за мной уже прилетели и, чтобы меня отпустили. Но мама меня не отпускала. А Валя сказала, что она пойдет со мной на улицу и докажет мне, что там ничего нет. А я кричала, что они слепые и не видят этого шара, и что этот шар светится как Луна. Я услышала тихий добрый голос, который позвал меня по имени. Голос сказал, что мои родители любят меня и, что я должна остаться с ними. А они еще прилетят за мной. После этого шар медленно поднялся и полетел на восток. После этого я плакала и говорила маме: «Ты не отпустила меня, а у меня будет такая тяжелая жизнь». Моя бабушка плакала, ведь она тоже видела этот шар.

3. Прошло какое-то время, и к нам приехал мамин брат Митя. Его жена жила с нами, а он куда-то все время уезжал. Он привез подарки жене и моей маме. И среди подарков были большие тарелки с голубоватой каемочкой. Они спорили между собой и не могли их поделить. Из-за их спора я стала плакать и говорить: «Бабушка, они тарелки делят, а дядя Митя скоро умрет». Бабушка тоже заплакала. А через три года он умер.

4. Мне уже было 4 года, когда мама родила сестренку. Придя из роддома, она положила ее на красивую деревянную кровать, стоявшую в отдельной комнате. Я встала на порог комнаты и просила кого-то: «Унесите эту девочку. Она убьет мою маму», а все на мои слова смеялись. Через много лет Наташа стала много пить и бить маму. И мама из-за этого умерла.

5. Я с папой ехала в машине и слышу все тот же тихий и очень приятный голос, который говорил мне: «И однажды проснуться горы и плохо будет людям». Я знала, что Они здесь и часто говорила с Ними. В основном беседы были о природе.

6. Мы пошли к папиной маме, и я не помню, чтобы раньше видела дедушку Петю и бабушку Одарку. У них был большой сад, и я знала, что в этом саду есть черноплодная рябина. Как знала, не знаю. Но меня к ней что-то вело, и в 4 года я шла к ней уверенными шагами. Подойдя к дереву, которое было очень высоким, я увидела возле него высокого мужчину. Мужчина был гораздо выше дерева. Он ласково смотрел на меня. Солнце слепило мне глаза, но я не сводила с него взгляда. Он поклонился мне и взял мои ручки в свои теплые и такие огромные руки. А потом насыпал мне в ладони ягод. Ягод было много, и они выпадали из моих ладоней и рассыпались по земле. А Он говорил: «Ешь, ешь, Верочка. Это твоя жизнь». Наевшись, я пошла на лужок, и начала есть траву – клевер. Он был очень сладким, и еще ела травянистые калачики. Мама побежала ко мне, а Он остановил ее и сказал: «Не мешай! Пусть пасется!». Я слышала эти слова, хотя это был не разговор людей. Хорошо различались мужские и женские голоса. Наевшись травы, я побежала к бабушке Одарке. Она в это время лущила кукурузу. Я увидела, что у нее болит нога. Опухла вся и вены узлами и мне так стало сильно ее жалко. Я ручкой дотронулась до ее ноги. А она юбку одернула и сказала: «Не надо!». Я сказала, что сейчас спрошу у деда и у того большого человека как лечить ногу. И побежала в дом. В комнате у окна стоял дед и ждал меня и мои слова. Я орбела, что-то было не так с ним. А он сказал: «Тебе еще рано».

7. Мы уехала на Дальний Восток и больше я не видела и не слышала Иных. А когда я училась в 4 классе, Они прилетели. Я любила собирать ягоды и цветы. И много было ландышей. Послышался тихий голос женщины. Голос завораживал меня, и я шла и шла на него, не боясь заблудиться. По - всюду густой лиственный лес. Была женщина, которая приподнимала для меня листочки ландышей и земляники. Ох, как много было цветов и ягод! Я так радовалась, и женщина радовалась вместе со мной.

8. Дедушка Петя все пристальней следил за мной. Мне не хотелось идти к ним. Они жили отдельно. Однажды, меня как на веревке к нему привели. В доме была одна бабушка Одарка. Она укачивала другую внучку от другого сына. Они жили с дедушкой и бабушкой. Я присела возле нее, а бабушка сказала: «Уходи, Верочка!». Я встала, чтобы уйти, но тут дед зашел, а я как привязанная подошла к нему и заглянула в его глаза. А в глазах полный мрак! Бабушка как закричит: «Не трогай ее, Петро!». А он только засмеялся, а я убежала от них. Я просила маму и папу уехать оттуда. Впервые в этом месте облака бегали за мной и ко мне. И я с ними разговаривала. И наконец, мы уехали с этого места опять в Текели.

9. Долго я не слышала Иных и не видела. Я училась уже в 6 классе. Мама нас поднимала рано утром, как говорить вместе с коровами. Коров в стадо, а нам эмалированное ведро в руки и булку хлеба. У меня была еще одна бабушка – Агафья. Соседи спрашивали маму: «Лиза, ты не боишься за детей?». А мама только смеялась. Эта бабушка Агафья все время что-то шептала нам в след. И мы не встречали ни одной

змеи и ни одного злого человека. А было нам, троим: мне 13 лет, другой сестре 11 лет и еще одной 9 лет. В тот день мы не полное ведро земляники собрали, а солнце уже садилось. Стали возвращаться домой. По дороге я отстала. Посмотрела на горы, они были низкие и я подумала: «Как хорошо было бы, если бы здесь росла земляника!». И мои глаза в тот же миг наткнулись на кусты земляники, и на них было много ягод. Кусты росли отдельно, словно их кто-то специально так высадил, и травы закрывающей их не было. Ягоды все крупные и очень спелые. А запах от них был такой сильный, что просто сума сводил! Я собирала ягоды и собирала и слышала, что кто-то около меня тихо смеется. Ведро было полным, солнышко село, а я счастливая бежала домой, и мне не было тяжело тащить огромное ведро земляники. Через несколько дней мы пошли на это место. Всюду голые склоны гор, даже травы не было. Земляники не было, но зато появилась ежевика. Я слышала смех возле себя, когда поднимала ветки с земли и с них на меня смотрели жирные толстые ягоды ежевики. Уже темнело и, набрав ведро ежевики, я ела ее и все ела. А Они смеялись надо мной.

10. Мама купила мне босоножки. Я была очень нарядная, но запаздывала и стала торопиться на демонстрацию. И опять был тихий, добрый, нежный, заботливый и в то же время строгий женский голос. Его нельзя было послушаться. Голос говорил: «Верочка, остановись! Все это суэта. Понюхай лучше цветок. Шиповник уже распустился». Да, действительно, шиповник цвел у дороги, по которой я бежала. Его красивые, ярко желтые цветы походили на розы и так вкусно пахли! Я присела и понюхала их. Я вдыхала их запах и вдыхала, а голос сказал: «Ты долго не увидишь эти цветы и не почувствуешь этот запах». И в сердце появилась какая-то грусть. Я уехала в Одессу к двоюродной сестре. Уж слишком они меня воспитывали, но я им благодарна.

11. Прошло много лет, я вышла замуж и забеременела. Я с мужем уехала к моей сестре в Якутию. Родила дочь. Я пролежала с ребенком в больнице 1 год и 8 месяцев. В 80-х годах делали какие-то уколы беременным, и я позволила сделать мне только один укол. А надо было 4. Во время этого тяжелого периода я потеряла время, была как в забытьи. Когда ехала с папой в машине, то показалось, что появился тот красивый мужчина, которого видела в детстве. Глянув на горы, уловила его профиль. Когда я спросила, как Его зовут? То Он сказал: «Зови меня Павел, и Я твой Отец». А мой отец был еще жив. Он говорил: «Ты не справишься с дочерью». А я ответила: «Моя дочь и уйду вместе с ней». Набрала много таблеток и съела их и Он понял, что я уйду. Но я уходила в никуда. Там темно и много звезд. Я одна – мой стон, крик и никого. Я смирилась, что уйдем. И в ту последнюю ночь вижу: слева гора и справа гора, а между ними река такая тихая и чуть колыхается. Я жду. Живой туман покрывает реку, а возле меня редеет. Из тумана выплывает старая деревянная лодка и в ней старый высокий человек с бородой и лохматыми волосами. Грустно смотрит на меня. А сзади него спиной ко мне моя дочка. Она не оборачивается и на ней синее платье. Потом я купила ей такое платье в Москве. Лодка подплывает ко мне все ближе и ближе. Дедушка смотрит прямо мне в глаза и взгляд у него очень грустный. Дочка выходит из лодки, не глядя на меня. Идет по мелкой воде и мимо меня. А я бегу к ней, не успеваю, а она далеко уже от меня впереди. И я с отчаянием из последних сил бегу за ней. Я уже неживая, но уже с кем-то, в своем теле, тяжело опустилась на землю. Вокруг тоскливо гогочут гуси - лебеди и тянут ко мне свои шеи. А моя дочь далеко и я не могу ее догнать. Я тяжелая, грузная и одинокая. И вдруг моя дочка развернулась и идет назад ко мне

быстро, быстро. Ее ножки ведут ее ко мне все ближе и ближе. Но опять мимо меня. Что-то нечеловеческое захлестнуло меня. Я приподнялась и сказала: «Нет, я не могу без нее!». И опять голос: «Ты не справишься с ней!». Моя, моя и она села рядом такая родная и такая усталая. Лучше бы мы ушли тогда! Если бы я знала, что нам придется пережить! Утром я сказала врачу, что надо снять капельницу и нас отпустили. Я кричала куда-то в пространство: «Нас отпустили, отпустили! Нам позволили жить!». Через несколько дней я ушла из больницы. Но даже перед выпиской мне врач не сказал, что моя дочь больна стафилококком ауэрос. Ей в роддоме занесли стафилококк в кровь. Всю кровь не выльешь. О диагнозе я узнала, когда моей дочери было 3 года.

12. Я много работала. Я художник- оформитель по образованию. В автобазе художником работала, бралась за любую работу. Нужны были деньги на лечение. Я металась по городу. Я знала, что есть женщина, я должна ее найти. Но где, где?! Она близко и я знаю об этом. Между тем я была беременна вторым ребенком. Моей дочери 7 лет. Много дней по больницам Москвы. Я требовала выезд из СССР. Я не могу жить в СССР. По вине врачей моя дочь больна. Нашла Терешкову. Меня едва не посадили. Меня беременную в МИДе продержали в подвале с дочкой. Муж был в Якутии, его уволили с работы, написав в трудовой книжке: «Вел подрывную деятельность против СССР». Мне помогли Терешкова и Министр автомобильного транспорта. Решили вопрос за три часа через телефонные звонки. Мужа восстановили на работе и дни, когда он не был на работе, засчитали за отпуск. А надо, чтобы оплатили эти дни. Прилетела домой. На самолет сопровождали два автоматчика, совсем мальчишки. Одному на мушку автомата дочка повесила свою кофточку- матроску, от того самого голубенького платья. Наступили преждевременные роды. В роддоме опять оказалась моя одноклассница Ольга. Я не хотела ее узнавать, как и при первых родах. Может именно она нарочно занесла стафилококк. Воды отошли, но она не написала в карте, что это произошло. 13 дней мне делали уколы. Мой ребенок уже не шевелился. И я увидела себя изнутри: что-то сиренево бледное и жаркое, а внизу живота мой ребенок, который лежит поперек. Что-то начало рваться с болью. Я закричала, и на крик прибежал врач. Он сказал: «Все хорошо, воды еще не отошли». Какие воды? Они отошли еще 13 дней назад. И мне стали вызывать роды. И я увидела на стене родильной палаты лицо Девы Марии. Я уже не могу жить. Вижу, что выхожу из себя и сажусь на спинку кровати. Вижу, как Ангел встал возле меня, той, что лежит. Ангел держит над моим ее изголовьем руку. И мне пришлось вернуться. А так не хотелось! У меня родилась вторая дочка и очень махонькая. Утром пришел врач и сказал: «К вам положат женщину. Не пугайтесь ее». Я сказала, что жду ее, кладите скорей. Врач посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Вошла та, которую я искала. «Ты спи, спи. Все хорошо. Девочки жить будут. А мои сыновья погибнут. Война 25 лет. А зовут меня Нана. Слышишь, Нана». Больше я ее не видела. Когда я проснулась, ее не было. Перед родами мне сделали укол, и передо мной на полу открылось окно. В нем наш больничный коридор. По нему идет медсестра и несет двоих детей. А сзади над детьми склонилась Смерть. Она смотрит на меня и смеется, что я ничего не могу сделать, а все вижу. Она хочет убить одного ребенка, мальчика. Я закричала: «Сейчас убьют мальчика по голове дверями!». И в этот момент хлопок и крик ребенка. Я увидела, а сделать ничего не смогла. Мой крохотный ребенок – дочка Лиза сильно похудела пока мы лежали в больнице. И я ушла из нее. Но перед этим уходом вижу, что стены со

страшным скрипом раздвинулись, и показался огромный шар. Внутри шара было три человека. Юноша чудесной красоты, смуглый, сильный. Прямые волосы почти до плеч. Прямые брови, небольшие черные глаза, нос с небольшой горбинкой, без усов, тонкие губы. Он весело и бодро смотрит на меня и говорит: «Это шлюпка. Мы на ней через время проходим. А это штурвал – он из белого металла. А это штурвал из полированного дерева. На нашей планете дерево ценится. У нас нет деревьев». Я знаю, что он мой внук. А рядом девушка в красном платье и красных туфлях. Чудесные черные кучерявые волосы до пояса. Черные глаза, капризные губы. Кожа, как и у юноши. Им по 27 – 28 лет, скорее они похожи на индейцев. Статные, высокие. За их спинами прячется очень знакомый мужчина с темными волнистыми волосами с проседью. Кто он? Кто? Не могу вспомнить, но знаю.